

АННОТАЦИИ

Поздневизантийская культура: декаданс, кризис, ренессанс? Ihor Sevcenko. *Society and Intellectual Life in Late Byzantium*. London: Variorum Reprints, 1981. 374 p.

Рассматриваемая книга И. Шевченко представляет собой сборник его статей, объединенных по тематическому принципу в очередном выпуске серии «Variorum Reprints». Смысл изданий серии не исчерпывается задачей количественной интеграции разрозненных по различным журналам статей одного автора; эти сборники помогают читателю яснее представить себе авторскую концепцию, находящую отражение в конкретных исследовательских наблюдениях. Для И. Шевченко изучение социальных условий культурного развития Византии, в частности палеологовской, — средоточие его многолетних научных интересов. В русле этой проблематики — и теоретические статьи, и издания источников, и текстологические изыскания, и палеографические и кодикологические штудии. Все эти работы, разножанровые по форме, но связанные сюжетно-временным единством, и составляют рецензируемый сборник.

Книга открывается статьей «Общество и интеллектуальная жизнь в XIV в.», где сконцентрированы как статистические выкладки, так и концептуальные обобщения. Расчеты И. Шевченко включают 91 писателя XIV в.; около 60 из них, т. е. две трети, находились в Константинополе; 51, или 55%, относились к клиру, из которых 28, т. е. четверть всех литераторов, были монахами. Принадлежность к черному духовенству не предопределяет сама по себе социальный статус: здесь и игумены, и простые монахи. Если в XII в. среди литературных деятелей весьма значителен удельный вес клириков св. Софии, то в XIV в. не наблюдается подобной избирательности. Гражданские профессии (врача, юриста и т. п.) имели лишь пятеро из общего числа. Крупными землевладельцами могут считаться лишь трое — Метохит, Иоани Кантакюзин и Плифон. Вместе с тем и представительный в XII в. элемент среди литераторов — нищенствующие поэты — теперь уменьшается. Отмечается в целом гомогенность среды византийских интеллектуалов в это столетие, чему не противоречит обилие полемических споров времени. В основном византийские интеллектуалы XIV в. относились к одной из трех социальных групп — клиру, придворным сферам или к окружению какого-либо династа. Так или иначе основная масса ви-

зантийских литераторов этого времени состояла или из занимавших важные посты в обществе, или из связанных с теми, кто относился к высоким общественным сферам. В целом удельный вес почти ста писателей XIV в. весьма значителен, особенно если учесть, что за все византийское тысячелетие насчитывается 435 литераторов.

Говоря о тенденциях социокультурного развития Византии XIV в., И. Шевченко отмечает падение исключительной роли императорского патроната в области культуры, что сказалось и в падении императорского престижа, и в десакрализации царского образа, отмечающихся в середине столетия. Ослабление императорского контроля за религиозной политикой сопровождалось усилением роли церкви. Вырастают различные культурные центры, помимо придворных сфер; провинция, окраинные земли становятся культурными очагами, готовя почву для эмиграции интеллектуалов в XV в. В Москве и Новгороде, Венеции и Болгарии, Грузии и Валахии деятели византийской культуры находили более благодатную почву для творчества, чем у себя на родине.

И все-таки константинопольский двор продолжал оказывать существенное влияние на состояние интеллектуальной жизни страны. Велика была роль своеобразных литературных салонов. Классическое образование оставалось критерием учености; риторика имела практический смысл, ибо обеспечивала успехи в общественной практике. Дальнейшее ослабление константинопольского двора политического центра, ухудшение материальных условий жизни предопределили упадок интеллектуальной жизни в следующем веке.

Упадку Византии, каким он виделся самим поздневизантийским писателям, посвящена специальная статья книги. В XIV в. противоречие между имперской идеологией традиционной византийской пропаганды и реальным соотношением сил на мировой арене проявилось как никогда остро. Впрочем, тема заката государства, «упадка Рима» традиционна в византийской публицистике, и И. Шевченко прослеживает пути формирования этих представлений начиная с середины V в. И все же до XIV в. эти воззрения

не несли печати обреченности: Пселл, говоря о катастрофе при Манцикерте, предвкушал новые победы, а Никита Хониат и после 1204 г. сочинял полные внешнего оптимизма речи. Для Никифора же Григоры государство уже представлялось трупом, на который набрасываются в обоюдном соперничестве враги — турки и татары.

Если политический крах отчетливо осознавался византийскими писателями, то о культурном упадке речь шла не столь резко. Однако и Кидонис, и Геннадий Схоларий отмечали определенный декаданс в словесности, интеллектуальной жизни, элементаризацию в образовании, варваризацию культуры. В условиях конфронтации с западом некоторые византийцы признавали культурное превосходство «латиняв» в их время. Для таких, как Феодор Метохит, империя ромеев уже не была избранной, неоспоримым центром ойкумены.

Кризис общественного развития сказался в тех противоречиях, которые вылились в социальные столкновения XIV в. Ряд статей книги посвящен вопросам зилотского движения. Исследования в основном касаются историкокультурных проблем, внося прежде всего ограничительные уточнения. Так, анализ свидетельств о генуэзской колонии в Солуни заставляет пересмотреть заключение о каких-либо связях между общественными движениями в Генуе и Византии. Социальные конфликты, вылившиеся в зилотское движение, — порождение византийской действительности. Реинтерпретация подвергает И. Шевченко и считавшееся антизилотским сочинение Николая Кавасилы, направленное, по И. Шевченко, как показывает текст, издаваемый полностью, против государственной фискальной политики. Невозможность связывать отраженные в произведении события с зилотским движением доказывается и датировкой публикуемого И. Шевченко своего рода черновика этой речи Николая Кавасилы: он составлен в 30-е годы XIV в., т. е. до восстания зилотов в Солуни. Американский византист вообще склонен к скепсису в возможности на основе имеющихся источников «реконструировать» политическую программу зилотов.

Издаваниям текстов в рассматриваемой книге уделено очень большое место. Помимо названного сочинения Николая Кавасилы и его «черновика», помещены издания других памятников XIV в. или текстовые дополнения к существующим изданиям. Это «Диалог между богатыми и бедными» Алексея Макреволита, письма Мануила Мосхопула, фрагмент жития Иоанна Нового Феодора Метохита, преамбула практика, написанная Алиатом,

послание Никифора Григоры (издаваемое по автографу) и др. Все они имеют важное значение для изучения общественно-культурной жизни палеологовской Византии. «Диалог» Алексея Макреволита отражает негативное отношение к династам, однако возможна и интерпретация этого сочинения как своего рода пропаламитской пропаганды для средних и низших слоев. Симпатии автора всецело на стороне бедных. Правда, категория «бедных», судя по тексту памятника, включает в себя довольно широкий круг социальных слоев, распространяясь на крестьян и ремесленников. Неоднозначна и категория «богатых» у Алексея Макреволита.

О кризисе социальных отношений свидетельствует и арест Мануила Мосхопула в 1305/06 г., чему посвящена особая статья (с изданием писем византийского гуманиста). Атмосфера подозрительности в византийской столице, наказания невиновных — таковы черты кризиса общественной жизни, вызванного каталанским нашествием. Жертвой этих событий и стал Мануил Мосхопул.

В связи с изучением переписки Николая Кавасилы исследователем ставятся некоторые общие вопросы понимания поздневизантийской литературы. Отмечая эзотерический, даже элитарный характер литературы XIV в., И. Шевченко настаивает на важности актуального значения этих памятников: они не были абстрактными упражнениями в красноречии, но являлись непосредственным откликом на события современности, облеченным в специфическую литературную форму.

Понимание такой особенности средневековых текстов позволяет выявить важные исторические реалии описания Константинополя новгородским путешественником XIV в. Стефаном: так, в частности, василевсом, гробницу которого видел русский пилигрим, должен был быть Иоанн IV Ласкарь.

Другой проблемой, интересной для отечественной истории, является интерпретация титула *ὁ ἐπίτις τραπεζίτης*, отождествлявшегося с русским титулом «стольник». Он упомянут в одном из автографов Григоры (cod. Heidelb. Palat. gr. 129). И. Шевченко показывает, что в данном случае речь идет лишь о византийском чиновнике, а не о некоем русском посланнике.

Наконец, существенным элементом данной книги является воспроизведение фотографий анализируемых многочисленных рукописей, что важно для дальнейших кодикологических наблюдений, изучения почерков.

М. В. Бибиков

Fondation Européenne de la Science. Activité byzantine. Rapports des missions effectuées en 1981. P., 1982; Fondation Européenne de la Science. Activité byzantine. Rapports des missions effectuées en 1982. P., 1983.

Вышли в свет два исключительно важных собрания исследований по исторической географии Византии. Это — своды отчетов руководителей научных экспедиций, организованных «Центром по исторической географии византийского мира» в 1981 и 1982 гг., опубликованные под ред. проф. Э. Арвейлер. С того